

КУЛЬТУРА

И.И. ШУРЫГИНА

Культурные ресурсы и культурный капитал "новых бедных"

В результате социально-экономических перемен, происшедших в России с 1991 года, сформировался многочисленный слой устойчиво бедных семей, большинство которых раньше принадлежало к среднему классу советского общества и обеднело непосредственно в результате реформ (так называемые "новые бедные"). Их основная проблема состоит не только в недостатке средств к существованию, но и в том, что они социально дезадаптированы, поскольку их жизненные стратегии, адекватные прежним социально-экономическим условиям, при изменении этих условий оказались стратегиями, ведущими к бедности.

Тем не менее у них сохранились нематериальные - культурные и социальные жизненные ресурсы, опираясь на которые "новые бедные" семьи могли бы (но крайней мере теоретически) формировать новые, адекватные сложившимся социально-экономическим условиям, жизненные стратегии, направленные на преодоление бедности (если не в поколении родителей, то в поколении детей).

Одна из задач проведенного мною исследования¹ и состояла в том, чтобы, по возможности, выяснить, насколько нематериальные ресурсы "новых бедных" семей могут заменить им материальные ресурсы; могут ли "новые бедные", опираясь на свои культурные и социальные капиталы, строить жизненные стратегии, способствующие выходу из бедности, и если да, то как происходит формирование таких стратегий и насколько они эффективны.

Оказалось, что креативные стратегии выстраиваются плохо: только 2 из 26 собранных интервью дают возможность считать, что родители или их дети имеют реальные шансы выйти из бедности. Вместо преодоления бедности происходит привыкание к ней, когда семьи, бедные по объективным показателям, не считают себя таковыми, а рассматривают свое положение как "нормальное" [Можина, 1999]. Обедневшие люди, не способные найти выход из сложившегося положения, вырабатывают пассивные способы сопротивления бедности, приспособления к ней. Эти механизмы защиты помогают им адаптироваться к сложившейся жизненной ситуации и одновременно препятствуют формированию стратегий, направленных на ее преодоление. В резуль-

---

¹ Исследование "Формирование субкультуры бедности в пост-социалистической России" было проведено в 1997 году. Финансовую поддержку оказал Институт "Открытое общество" (проект № 750/1997). В рамках исследования было взято 26 интервью. В качестве респонденток отбирались женщины, имеющие хотя бы одного ребенка школьного возраста, в чьих семьях среднедушевой месячный доход был ниже прожиточного минимума.

тате "новые бедные" современемприобретают черты, свойственные бедным "традиционным" [Здравомыслова, Шурыгина, 1999].

В статье рассматриваются возможные стратегии обедневших людей с высшим образованием. Основа их обеднения - инфляция культурного капитала: работа по специальности перестала обеспечивать им приемлемый уровень жизни, поэтому резко снизилась значимость их профессиональных навыков, опыта и образования. В связи с этим возникают сомнения в правомерности использовать в этом случае понятие "культурный капитал", поскольку капитал - это то, что должно приносить дивиденды [Ильин, 2000]. Именно невозможность превратить культурные ресурсы в культурный капитал и делает их "новыми бедными".

Однако есть и непрямые, неочевидные способы использовать имеющиеся культурные ресурсы. Так, например, работодатели в новом, частном секторе экономики даже на неквалифицированные работы предпочитают брать людей с высшим образованием, поскольку считают, что они быстрее обучаются и более добросовестны [Кабалина, Кларк., 1999]. Таким образом, наличие диплома о высшем образовании повышает шансы на трудоустройство и, следовательно, если не на преодоление бедности, то на выживание семьи. Складывается парадоксальная ситуация: обладание культурными ресурсами повышает шансы человека в том случае, если он готов отказаться от их использования, но крайней мере в чисто профессиональной сфере.

Переход на менее квалифицированную, но лучше оплачиваемую работу в частном секторе кажется наиболее простым разрешением проблемы "новой бедности". Но образование и профессия - это то, что целиком определяет социальный статус респондентов. Поэтому отказ от них ведет и к потере социального статуса. Это то, чего хотели бы избежать многие из них, интерпретируя потерю статуса специалиста с высшим образованием как "потерю себя", как опасность стать "никем": "Я не хочу, чтобы мой сын стал как один наш знакомый, который тортики на машине развозит. Он теперь не инженер и никто" (Москва).

Истории семей, в которых один или оба супруга выбрали стратегию отказа от профессии, действительно показывают, что она является деструктивной, не способствует выходу из бедности и чревата выпадением в маргинальность.

Стратегии "отказа от использования культурных ресурсов" придерживается, в частности, Григорий, муж одной из респонденток (Екатерины). Он имеет высшее гуманитарное образование и хорошо владеет английским языком: окончил специализированную школу. В настоящее время Григорий "...менеджер по продажам. Сначала он спиртными напитками занимался, а последняя работа была - продажа прибалтийских молочных продуктов. Он организует эту сеть - договаривается с магазинами".

Бедность в этом случае вызвана тем, что положение Григория на рынке труда крайне неустойчиво, и он часто и подолгу остается без работы: "Бюджет нашей семьи чаще всего складывается из моей зарплаты. Муж иногда по полгода не работает. Он очень часто меняет работу и потом подолгу ее ищет. На данном этапе он не работает. Чаще всего его не устраивают условия работы, зарплата, иногда он не устраивает потому, что не очень способен к этой работе". При поисках работы активно используются имеющиеся связи, которые, однако, быстро исчерпываются: "Через знакомых он устраивался на работу, но это создавало дополнительные сложности, потому что он не всегда корректно себя ведет. Потом стал искать работу через газету, последний раз - через агентство". По мере того как социальные ресурсы исчерпываются, поиски новой работы становятся все более затяжными и сложными. В результате - потеря социальной идентичности ("перестал быть преподавателем") и ощущение себя неудачником: "Гриша на встрече со своим классом был неприятно поражен, что почти все устроились очень прилично. Таких, как он, было лишь несколько человек..."

В случае с семьей Елены прослеживаются те же тенденции, но выражены они еще более четко. Елена, бывшая школьная учительница, как и ее муж, считает, что успех определяется, в первую очередь, уровнем материальной обеспеченности. Поскольку его образование (инженер) не предоставляло соответствующих возможностей, он по

специальности никогда не работал. Елена также к течение длительного времени не работает по специальности, работу ищет самостоятельно, обзванивая знакомых: "С рождением второго ребенка, которое совпало с периодом перестройки, начались трудности в семье. Муж остался без работы, я сидела с ребенком на пособии. Полгода приходилось перебиваться случайными заработками. Помогали родители мужа и мои. Через полгода муж нашел работу в СП и стал, в общем-то, неплохо зарабатывать". Его пример вдохновил Елену, которая "...решила тоже самореализоваться в одной из американских фирм. Работа не приносила большого дохода. Эта фирма - так называемая расширенная сеть маркетинга, которая продавала продукцию, якобы улучшающую здоровье. Но поскольку работа в принципе требовала огромных физических усилий, я решила найти себе что-либо иное и пошла в итало-советскую фирму, которая оформляла коттеджи, офисы, квартиры. Работа носила рекламный характер и была интересной. Я работала в выставочном комплексе, рассказывала об экспозиции. Работала через два дня по два дня, получала 600 долл. Платили очень хорошо, так же, как и мужу, несмотря на то, что рабочий день был, в общем-то, непродолжительный. Но когда фирма окрепла, началось сокращение штатов и уволили всех, кто получал много. На наше место наняли пенсионера, которому платили в пять раз меньше. Я устроилась менеджером в торговую фирму, где занималась заключением договоров и сбытом товара. Но здесь я тоже долго не проработала. После того как я наладила сеть сбыта товаров и отслеживания денег, директор посчитал, что дело сделано и меня можно уволить. Период безработицы продолжался месяц. Затем я нашла работу художника-дизайнера в немецкой строительной фирме по кухням. Месяц учебы и месячный испытательный срок. Все было бы хорошо, но не устраивал график работы: с утра до девяти вечера. Суббота и воскресенье чередовались еженедельно, поэтому для женщины, имеющей двух детей, было неудобно. Не на что было содержать гувернантку, потому что зарплата на первом этапе была небольшой. В летний период пришлось уволиться с этой фирмы и жить с детьми на даче".

В этом интервью хорошо видны "подводные мины", которые подстерегают человека, решившего отказаться от профессионализма. Поскольку Елена занимает рабочие места, которые не требуют специальных знаний и высокой квалификации. работодатели легко избавляются от нее, если могут найти человека, согласившегося выполнять ту же работу за меньшую плату. Сама респондентка не дорожит работой и легко от нее отказывается, если работа требует, с ее точки зрения, слишком больших затрат сил и времени.

Муж Елены прошел аналогичный путь, и в результате к тому времени, когда бралось интервью, оба супруга были безработными. Елена чувствует шаткость своей позиции на рынке труда: "Сейчас с работой вообще очень сложно, потому что везде требуются знание языка, компьютера, навыки по сетевому маркетингу и все то, чему в институте в период застоя нас не обучали. Несмотря на то что я закончила курсы бухгалтеров (но у меня нет стажа), никто не хочет брать на работу бухгалтером, потому что нужен опыт". Предпринятая попытка вернуться к прежней профессии также не увенчалась успехом, на ней респондентка "продержалась" только два месяца: "Работа в школе меня устраивала всем. У меня школа была прекрасная. Но добираться туда было очень тяжело (три вида транспорта). Получается, что половина зарплаты уйдет на проездной. Кроме того, низкая зарплата. История - это такой предмет, где нельзя подработать, как, например, преподавателю иностранного языка". Положение Елены, таким образом, аналогично положению Григория. Его можно определить как маргинальное, поскольку прежний социальный статус утрачен. а новый не обретен.

Дальнейшие поиски работы у Елены и ее мужа характеризуются снижением их требований к оплате труда и его содержанию: "Если голова не понадобится, то придется заняться физическим трудом. Я уже к этому готова". Мужу поиски работы затрудняет его тяжелый характер - круг знакомых, готовых помочь ему

в трудоустройстве, практически исчерпан. Через несколько месяцев после интервью Елену взяла на работу продавщицей одна из ее подруг, заведующая магазином. Случай, как видим, схожий с историей Григория - "капитал связей" со временем исчерпывается, а это затрудняет поиск работы. Соответственно, периоды безработицы становятся все длиннее.

И в первом, и во втором случае отказ от имеющихся культурных ресурсов не только не вывел семью из бедности, но в конечном счете привел к маргинализации, к началу процесса социальной деградации. Обе истории показывают, что "готовность сменить профессию (специальность), которая считается весьма похвальной в переходном обществе, несет с собой серьезные психологические издержки... ослабление ориентации на профессионализм и конструктивное поведение" [Наумова, 1996].

Таким образом, культурные ресурсы, понимаемые только как образование, дающее определенную профессию, представляются бесполезными в ситуации "новых бедных", но и отказ от их использования в профессиональной сфере оказывается тупиковой стратегией. Однако культурные ресурсы членов семьи по большому счету не сводятся только к индивидуальному образованию и профессии - они включают и систему ценностей, в которой образование занимает одно из первых мест, и знания, и интересы, не связанные непосредственно с профессиональной деятельностью и распространяющиеся на всю семью. Все это может быть вложено в будущее детей. Если оно окажется успешным, у семьи появится шанс на то, что бедность родителей будет преодолена их детьми и не превратится в наследственную. В этом случае культурные ресурсы семьи становятся семейным культурным капиталом - если они и не приносят дивидендов сейчас, то при условии "удачного вложения" могут принести их в будущем.

Пример Григория и Екатерины показывает, что отказ родителей использовать свои личные культурные ресурсы в профессиональной сфере негативно влияет и на будущее детей. У Григория отказ от культурных ресурсов носит абсолютный характер и не исчерпывается только отказом от профессии. Английский язык, которым он владеет и который обычно рассматривается как очень значимый жизненный ресурс, полностью выключен не только из его личных, но и из семейных ресурсов и становится по сути "мертвым грузом". "Сейчас надо много денег для того, чтобы дать дочери образование. На преподавателя английского языка у меня нет денег. Английский хорошо знает Григорий, но передавать свои знания не умеет". У Екатерины есть своя собственная стратегия, направленная на формирование будущего дочери (подробнее об этом будет сказано ниже), и это не позволяет маргинальное™ мужа распространиться на всю семью.

Что касается планов, которые Елена строит относительно будущего своих детей, то и в них в полной мере отражается маргинальность ее жизненной позиции. С одной стороны, она ориентирована на материальный достаток и социальный престиж и считает, что ее дети должны получить соответствующие профессии: "Хотелось бы сына отдать в юридический колледж, потому что работа юриста — это в общем-то, работа неплохая... Дочь хотела бы стать юристом или журналистом. Но журналисты тоже, в общем-то, не очень обеспеченные люди". При этом предполагается, что будущее детей зависит от хорошего образования: "Конечно, дети должны иметь высшее образование. Мало того, дети должны обязательно знать два языка... если человек не знает языка, он просто не сможет работать ни в одной солидной организации". С другой стороны, у Елены нет ни денег, ни связей для того, чтобы дети получили такое образование: "Пока были деньги, старшая дочь занималась с репетитором английским языком, когда денег не стало, занятия прекратились... Таких знакомых, которые могли бы устроить сына в хорошую школу, нет, поэтому придется устраивать ребенка самой или же платить деньги". Ее собственный образовательный багаж явно недостаточен для того, чтобы самостоятельно учить детей.

Но в подавляющем большинстве случаев семейные культурные ресурсы действительно лежат в основе формирования жизненных стратегий детей из образованных

обедневших семей. Подростки из таких семей по сравнению с детьми из обеспеченных, но не образованных, и из бедных необразованных семей имеют значительно более сильную направленность на высшее образование и (что еще важнее) больше шансов его получить [Шурыгина, 1999].

С точки зрения большинства респонденток с высшим образованием, культурные ресурсы семьи особенно важны, когда перед семьей в условиях недостатка материальных средств стоит цель дать ребенку образование. Мысль о том, что при обучении детей материальные и культурные ресурсы могут быть взаимозаменяемыми, часто встречается в интервью с образованными респондентами: "Поскольку нет денег, придется с детьми самой заниматься. Если есть деньги - нет проблем, нанял репетитора и все" (Москва). Это - самый распространенный и, судя по интервью, единственный осознаваемый способ использования культурных ресурсов семьи. Матери с низким образовательным статусом, не имея необходимых культурных ресурсов, в отличие от образованных матерей, связывают возможность получения детьми высшего образования только с большими деньгами, которых у них нет. Поэтому недостаток материальных средств почти автоматически влечет отказ от идеи дать детям образование, чего не происходит в семьях, где родители имеют высшее образование.

Однако высшее образование в современной России оказалось крайне дифференцированным. Вузы разделились на "престижные", дающие "рыночные", потенциально высокодоходные профессии, и на "непрестижные", "нерыночные", выпускники которых рискуют так и не найти работу по специальности с оплатой, достаточной для более или менее приемлемого уровня жизни. Одновременно происходит рост социального неравенства в доступе к получению высшего образования [Овсянников, 1999; Константиновский, 1999; Чердиченко, 1999]. Дети из обедневших интеллигентных семей при поступлении в вузы вынуждены конкурировать, в первую очередь, с выходцами из образованных обеспеченных семей. При этом дети из бедных семей могут рассчитывать исключительно на нематериальные ресурсы, а выходцы из обеспеченных семей располагают как нематериальными, так и денежными ресурсами. Неудивительно, что вузы первого типа "достаются" детям из обеспеченных семей; бедные молодые люди вынуждены довольствоваться вузами второго типа [Шурыгина]. Для детей обедневших специалистов очень высок риск повторить судьбу родителей или пройти тот же путь, что и Елена с Григорием (сын одной из респонденток после окончания института не смог найти работу по специальности и торговал на рынке).

В результате культурные ресурсы, которыми располагают обедневшие семьи, одновременно и предоставляют для детей шансы на получение высшего образования, и способствуют консервации семейной бедности.

К тому же описанное положение вещей явно имеет переходный, временный характер и вряд ли долго продлится - введение даже минимальной платы за обучение в вузах сделает их недоступными для детей "новых бедных", а культурные ресурсы семьи в качестве доступа к высшему образованию уменьшатся практически до нуля.

Непосредственное вложение семейных культурных ресурсов в будущее детей в случае с "новыми бедными" в большинстве случаев оказывается неэффективным с точки зрения выхода из бедности. Это очень ясно осознается респондентками: "Значит, удел их (детей) таков же, как наш: влачить жалкое существование" (Иваново). Тем не менее есть еще один способ непрямого и неявного использования ресурсов при формировании жизненных стратегий, направленных на то, чтобы определить будущее детей.

Из числа опрошенных можно выделить четыре семьи, которых объединяет то, что все они так или иначе связаны с домом-музеем известного русского художника прошлого века. Музей - это культурный и исторический центр, привлекающий множество представителей творческой интеллигенции. Располагается он в селе (назовем его У.; не упоминать настоящего названия меня просили интервьюированные,

которые считают, что в противном случае они будут легко узнаваемы) и в настоящее время - это единственное место, где деревенские жители после окончательного развала совхоза могут найти работу. Вокруг музея и в деревне группируются несколько различных социальных страт. Во-первых, это постоянное население села, которое состоит из деревенских жителей с низким уровнем образования и научных сотрудников музея с высшим образованием. Во-вторых, это регулярно приезжающие туда на все лето представители творческой интеллигенции, сформировавшие вместе с работниками музея "свой круг", центром которого является музей. И наконец, каждое лето в деревню приезжает много дачников из Москвы.

В этом селе живет бабушка Екатерины (жены Григория) и поэтому она с детства там часто бывает: "Каждое лето мы проводим в У. в доме моей бабушки, где собирается вся наша семья. Когда я была студенткой, я подрабатывала в музее, сейчас там работает моя тетка. Люди, которые нас окружают, - в основном художники, архитекторы, искусствоведы либо люди, так или иначе причастные к искусству". Екатерина - полноправный член сообщества творческой интеллигенции, сформировавшегося вокруг музея: "И те, с кем мы в Москве общаемся, тоже в основном так или иначе связаны с У." Здесь Екатерина познакомилась с будущим мужем.

Ни по происхождению, ни по образованию Екатерина (она учительница) к творческой интеллигенции не принадлежит. Ее включение в этот социальный круг стало возможным только благодаря ее культурным интересам и навыкам, которые и объединяют ее с другими членами сообщества: "Летом мы не просто там собираемся, придумываем какой-нибудь спектакль или интересные игры, или совместные поездки. Мы можем, например, пешком в Тарусу пойти, ходить там по музеям. Чаше всего берем детей с собой".

Вообще для Екатерины очень важно то, что в У. она получает уникальные возможности для воспитания дочери: "Моя дочь в Москве находится в такой среде, которая не совсем, с моей точки зрения, способствует развитию человека. А там она может воочию увидеть, что есть люди, которые живут совсем по-другому, другими интересами. Например, одна знакомая на день рождения своей внучки сочиняет шарады или ставит детские спектакли в стихах. Все взрослые и дети шьют костюмы. Приезжают профессиональные музыканты, которые тоже участвуют в спектаклях. Мы делали выставки детских рисунков, на которых взрослые серьезно их обсуждали. Потом устраивается чаепитие. Это совсем иной опыт общения".

Примером для подражания и ориентации своей дочери стала подруга Екатерины - архитектор. «Она основала свое дело, занимается дизайном квартир. В квартиры, которые она оформляет, совершают экскурсии. Она абсолютно поглощена работой. С моей точки зрения, это совершенная модель: человек зарабатывает приличные деньги и в то же время занимается делом, которое ему нравится. В большинстве случаев у нашего окружения либо нет денег, либо есть деньги, но не нравится работа. Она нравится мне и моей дочери. Поэтому дочь говорит: "Я буду либо модельером, либо дизайнером"».

Пример подруги для Екатерины - образец наиболее гармоничной из всех существующих моделей успеха, которая демонстрирует принципиальную возможность превратить культурные ресурсы в культурный капитал и на которую можно ориентировать дочь.

Именно общение с друзьями из У. подтолкнуло Екатерину к тому, чтобы с самого начала направить воспитание дочери по необходимому для осуществления желаемого будущего пути. Дочь с пяти лет стала серьезно заниматься рисованием и сейчас учится в художественной школе. Если бы она не училась рисованию, поступление в архитектурный институт стало бы практически невозможным.

Кроме того (и это, может быть, самое важное), в У. Екатерина находит и систему социальной поддержки, которая делает реальным осуществление ее планов.

"В архитектурном, насколько я знаю, пока люди в состоянии сдать экзамен и учиться бесплатно. Есть и платные курсы. Но для меня платить не реально.

Поэтому я ее нацеливаю на то, чтобы она сама поступила. Для этого нужно сдавать специальные предметы. Но в той художественной школе, в которой она занимается, этого недостаточно, поэтому все равно придется заниматься с частными преподавателями. Уже есть люди, которые согласны заниматься. - из У. Могут это сделать совершенно безвозмездно. Могут дать совет. В институте есть, знакомые: человек, который преподает композицию. Какой-то шанс уже появляется, хотя гарантии это никакой, конечно, не дает. Но у меня есть знакомые преподаватели и в Суриковском институте, и в училище 1905 года. Это все знакомые по У. Есть знакомые в Полиграфическом".

Включение в среду творческой интеллигенции стало возможным для Екатерины только благодаря ее культурным ресурсам, которые не исчерпываются профессионализмом. Именно ее интерес к литературе, истории, искусству и ее познания в этих областях помогли ей стать членом сообщества. В У. для нее появились шансы конвертировать свой культурный капитал в социальный, которыми она и воспользовалась. В обретенном социальном окружении Екатерина нашла для своей дочери приемлемую модель успеха, а также модель воспитания и социальную поддержку, необходимые для осуществления планов на будущее. Причем дочь Екатерины "наследует" приобретенный матерью социальный капитал - она входит в среду, сложившуюся вокруг музея, автоматически, с раннего детства и впоследствии может рассчитывать на поддержку этого круга.

Были проинтервьюированы еще три респондентки, постоянно проживающие в У. Например, Валентина - родственница Екатерины. Она научный сотрудник музея и постоянно проживает в У. Как и Екатерина. Валентина придает очень большое значение своему социальному окружению. При этом в качестве основных его характеристик также выступают "особенность", "отличность от других" и "солидарность".

Но Валентина живет в У. постоянно, поэтому для нее У. - это деревня, и социальное окружение ее дочери - не только представители творческой интеллигенции и музейные работники.

Дочь учится в сельской школе, которая не способна дать хорошего образования. необходимого для поступления в институт в Москве. Но это практически компенсируется той помощью и поддержкой, которые оказывают друзья и знакомые Валентины, и эксклюзивным доступом к культурному достоянию, сосредоточенному в музее (девочка имеет возможность пользоваться уникальной музейной библиотекой). В результате интересы девочки и уровень ее подготовки (она победила в Москве на олимпиаде по английскому языку) позволяют дочери надеяться поступить на факультет классической филологии в Российском государственном гуманитарном университете (бывший Историко-архивный институт). Позиция дочери при этом укрепляется и тем, что среди знакомых матери по У. есть люди, преподающие в этом университете. Таким образом, Валентина, как и Екатерина, нашла возможность на основании своих культурных ресурсов приобрести значимый капитал связей, который и вкладывает в будущее дочери.

Это кажется парадоксальным, но положение дочерей моих респонденток немного похоже на положение детей из старинных аристократических семей Франции: эксклюзивный доступ к общественному культурному достоянию, которое становится составной частью повседневной жизни, конвертирование обретенного в результате культурного капитала в капитал связей и формирование профессиональных интересов в процессе такого индивидуального потребления культурных благ (среди выходцев из французской аристократии много экспертов по живописи). "Годы детства, проведенные в особом мире, могут послужить основой для исключительной карьеры" [Пэнсон, Пэнсон-Шарло. 1996. с. 106].

Однако на самом деле картина оказывается не столь уж радужной. Валентина, строя планы будущего своей дочери, исходит из неизбежности консервации семейной бедности. Типичный и представляющийся неизбежным для образованных "новых бедных" выбор между "интересной и денежной профессией решается Валентиной

типичным образом - в пользу "интересной" профессии: "Мы делаем акцент не на то, чтобы это была материально нормальная жизнь, а на то, чтобы это была интересная работа, чтобы она могла увлечь и развить дальше человека". Характерно, что и эту модель будущего дочери Валентина находит среди людей, окружающих ее в У.: "Если говорить о работниках музея, то они как были изолированы, так и остались. Как тогда материальный фактор не играл главную роль для них, так и сейчас. С другим подходом там просто невозможно было жить и работать. Эта работа подразумевает другое отношение".

Екатерина в отличие от своей родственницы ориентируется на достижение дочерью успеха, но в то же время тот "другой опыт", о котором она говорит, важен для нее и потому, что среди своих друзей по У. она находит и модели поведения, которые позволяют "подстраховывать" ее дочь на случай неудачи в попытке выйти из бедности. Она говорит о том, что многие из ее друзей испытывают материальные затруднения, но "...это люди, которые могут ругать режим, но они никогда не ругают свой выбор. Для них важно, что они стали художниками... Все равно с ними интереснее, чем с московскими знакомыми". В результате на случай возможной неудачи у дочери Екатерины должна сформироваться убежденность в том, что "деньги - это не главное", что и без них жизнь человека может быть полной и интересной. Таким образом, даже вполне креативная стратегия Екатерины оказывается "с червоточиной" и нее, хотя и в качестве второстепенного элемента, входит идея возможного "привыкания к бедности": сознательное преуменьшение значимости материальной обеспеченности - один из механизмов адаптации к своему положению "новых бедных" (Здравомыслова...). То, что у Екатерины играет роль страховки на случай неудачи, у Валентины становится основным принципом воспитания. Приобретенный благодаря культурным ресурсам капитал связей перестает работать на преодоление бедности из-за субъективных, личностных особенностей респондентки.

Следующие два интервью были взяты у женщин без высшего образования - Надежды и Галины. Обе они коренные жительницы У. Несмотря на то что обе работают в музее (одна из них экскурсовод, вторая - секретарь), их культурные ресурсы оказались недостаточными для того, чтобы стать членами общества, сформировавшегося вокруг музея. Музей для них - только место работы, как культурный центр они его не рассматривают. Они себя ощущают именно деревенскими жителями, и их социальное окружение - это односельчане. Те модели поведения, которые можно найти в этом окружении, никак не могут стать образцом для подражания: "Все пьют. Ученики пьют с третьего и даже со второго класса. Не только отцы, но и матери - пьяницы. Это болото. Засосать может капитально" (Галина).

Сравните с рассказом Екатерины о "другом, ценном опыте", который ее дочь приобретает в У. Детские спектакли, шарady и выставки детских рисунков исключены из жизни дочери Галины. И Надежда, и Галина оценивают свои возможности дать детям высшее образование крайне невысоко: "Для нас, сельских жителей, нет перспектив получить высшее образование. Подготовка хуже. А если обучение будет платное? Как сельскому жителю получить платное высшее образование? Может быть, только среднее специальное" (Надежда). Это типичная для бедных с низким уровнем образования ссылка на отсутствие денег как на основное препятствие на пути детей к образованию.

Планы на будущее детей формируются также под влиянием ближайшего социального окружения. "Дочь мечтает поступить в медицинское училище. В деревне многие окончили это училище" (Галина).

Но У. предоставляет и еще одну возможность - это место, где девушка из провинции может найти мужа-москвича. Старшая дочь Галины вышла замуж за молодого человека, проводившего в У. летние каникулы, и теперь живет с мужем в Москве. Семья мужа, по мнению Галины, обеспечена хорошо и проблема бедности, таким образом, для одной из ее дочерей разрешилась.

Жизненные стратегии, которые строятся на основании условий жизни в У. мало-

имушие респондентки, оказались стратегиями, типичными для "новых бедных". Они различны у женщин с разным уровнем образования, но и в любом случае в основном ведут к закреплению бедности. Только Екатерина сформировала стратегию, реально направленную на то, чтобы ее дочь в будущем смогла преодолеть семейную бедность и добиться успеха. Она воспользовалась всеми возможностями, которые открылись для нее и ее семьи в У. Для остальных трех респонденток эти возможности частично или полностью оказались "закрыты". Валентина нашла в У. хорошие условия для воспитания дочери и значительную социальную поддержку, но не нашла модель успеха, на которую можно было бы ориентировать дочь. Галина и Надежда вообще не могут строить свои стратегии с учетом тех, во многом уникальных условий, которые им предоставляет их "принадлежность" к У. Возможность использовать эти условия определяется наличием определенного культурного капитала, в противном случае этих эксклюзивных условий как бы и не существует, и У. превращается в простую деревню, жители которой по объективным причинам имеют значительно меньшие жизненные ресурсы, чем жители крупных городов. Соответственно этому две последние респондентки остро чувствуют свою социальную депривированность по сравнению с городскими жителями. Зато дочь Галины сумела воспользоваться предоставленным ей шансом "удачно" выйти замуж.

Таким образом, У. - это модель "большого мира", который предлагает живущим в нем людям целый набор возможностей и жизненных шансов. Но в силу объективных и субъективных обстоятельств для разных людей эти возможности открыты не в равной степени. Соответственно этому люди формируют свои стратегии, активно используя одни, открытые для них возможности, и полностью игнорируя другие. Остающиеся для них закрытыми, причем наличие культурных ресурсов дает большее число таких возможностей. Вышеизложенное позволяет сделать некоторые выводы.

1. Роль культурных ресурсов в построении семейных стратегий "новых бедных" трудно оценить однозначно. С одной стороны, они продолжают играть, значительную роль для этих семей, даже в условиях обесцененности образования и профессиональных навыков. Культурные ресурсы увеличивают число жизненных шансов, облегчают детям доступ к высшему образованию и определяют социальное положение семьи, не позволяя ей в условиях бедности маргинализироваться. В то же время стратегии преодоления бедности с помощью опоры на культурные ресурсы выстраиваются очень плохо.

2. Личные культурные ресурсы, понимаемые только как профессиональные навыки, оказываются бесполезными в ситуации "новых бедных", поскольку те не могут - по объективным или субъективным причинам - превратить их в культурный капитал. Стремление во что бы то ни стало сохранить свой статус специалиста с высшим образованием в условиях, когда специальность не пользуется спросом на рынке труда и работа очень плохо оплачивается, ведет к закреплению бедности. В то же время отказ от использования культурных ресурсов в профессиональной деятельности ведет только к кратковременному выигрышу в деньгах, а не к принципиальному преодолению бедности, и чреват выпадением в маргинальность - когда статус специалиста с высшим образованием оказывается безвозвратно утерянным, а новый не приобретен. Эта стратегия также оказывается тупиковой.

3. Более перспективным представляется такой подход, когда в число активно задействованных культурных ресурсов входят не только профессиональные, но и культурные навыки и когда при этом культурные ресурсы рассматриваются как семейные, т.е. как то, что можно передать детям "в наследство".

4. Чаще всего семейные культурные ресурсы используются для самостоятельной подготовки детей к поступлению в вузы. Но доступное детям из обедневших интеллигентных семей высшее образование в современных российских условиях не может служить социальным лифтом, и стратегия опоры на семейные культурные ресурсы в подавляющем большинстве случаев не становится стратегией преодоления детьми бедности родителей.

5. Опора на семейные культурные ресурсы при формировании креативной стратегии для ребенка реально срабатывает только в одном случае - когда культурные ресурсы конвертируются в социальные. Причем и в этом случае прямое, непосредственное использование социальных ресурсов оказывается неэффективным. Елена и Григорий активно используют имеющиеся у них связи (большинство которых приобретено во время учебы, т.е. также связано с культурными ресурсами) при поисках работы. Это действительно облегчает их семьям выживание, но не способствует кардинальному решению проблемы ни для них, ни для их детей. Реально значимым оказывается только вкладывание приобретенного капитала связей в будущее ребенка (случай Екатерины).

6. При этом основную роль играет непрофессиональная составляющая культурных ресурсов - культурные интересы, навыки, увлечения и пр. Именно они и создают предпосылки для включения на равных в тот социальный круг, который может дать необходимую поддержку, т.е. именно они и становятся культурным капиталом "новых бедных".

7. В том случае, если есть возможность вкладывать культурный капитал в капитал связей, а последний - в будущее детей, значительную роль начинают играть субъективные факторы. Валентина, имея равные с Екатериной условия, формирует жизненную стратегию дочери на основе принципиально другой модели. Она ориентируется не на достижение успеха, а на консервацию бедности. Для того чтобы воспользоваться семейными культурными ресурсами и превратить их в капитал связей, нужно еще иметь волю к преодолению бедности.

8. Чем дольше семьи "новых бедных" будут находиться в состоянии бедности, тем сильнее будет ослабляться воля к ее преодолению и тем сильнее будут работать механизмы привыкания к ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Здравомыслова О.М., Шурыгина И.И. Выжить или преуспеть: жизненные стратегии // Народонаселение. 1999. №3,4.

Ильин В.И. Социальное неравенство. М., 2000.

Кабалина В., Кларк С. Новый частный сектор: занятость и трудовые отношения // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике России. М., 1999.

Константиновский Д.Л. Динамика неравенства. М., 1999.

Можина М.А. Изменения в уровне жизни населения России за годы реформ // Народонаселение. 1999. № 1.

Наумова Н.Ф. Типы стратегического поведения // Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996.

Овсянников А.А. Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. №3.

Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Культура господствующих классов: между знанием и достоянием // Вопросы социологии. 1996. Вып. 7.

Чередниченко Г.А. Школьная реформа 90-х годов: нововведения и социальная селекция // Социологический журнал. 1999. № 1/2.

Шурыгина И.И. Жизненные стратегии подростков // Социологические исследования. 1999. №5.